

«Сон Адама»: концепция воображения Джона Китса в контексте античного и новоевропейского неоплатонизма

И. Б. Казакова

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет.
Россия, г. Самара. ORCID: 0000-0002-2036-8318. E-mail: kib_sam@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются эстетические воззрения романтика Джона Китса, сформировавшиеся под влиянием платонической и неоплатонической философской традиции. Актуальность исследования обусловлена значительной ролью эпохи романтизма в формировании культуры последующих эпох, а также необходимостью уяснить способы усвоения интеллектуального наследия античности культурой Нового времени. Целью статьи является анализ проблемы воображения в сочинениях Китса с точки зрения философии неоплатонизма. Предметом исследования выступает эстетическая концепция Китса, отдельные стороны которой излагаются им как в поэтических сочинениях, так и в отдельных письмах, посвященных вопросам художественного творчества.

При рассмотрении проблемы воображения в неоплатонической эстетике автор статьи опирается на трактовку этой проблемы А. Ф. Лосева, который усматривает соответствие между новоевропейской концепцией воображения как творческой и познавательной деятельности и неоплатоническим представлением о процессе эманации из Единого вечных эйдосов. Анализ сочинений Китса, посвященных вопросу о природе творчества, доказывает, что английский поэт понимает творческое воображение, порождающее художественные образы, в духе неоплатонизма – как субъективную аналогию объективно происходящего процесса исхождения эйдосов (идей, форм) из умопостигаемого мира в чувственный космос. Кроме того, воображение, по мысли Китса, выявляет подлинную сущность отдельных вещей и мира в целом, которая заключается в красоте, что также соответствует неоплатонической философии.

Отдельное внимание в статье уделяется вопросу влияния на Китса английского философа-неоплатоника XVIII в. Шефтсбери. Это влияние можно обнаружить в актуализации нравственного содержания понятия любви, которое в античном неоплатонизме имеет в первую очередь познавательное значение.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что творчество Китса и его эстетические воззрения сформировались под воздействием неоплатонической системы представлений, и потому обращение к неоплатонизму в целях интерпретации сочинений английского романтика дает возможность более глубокого их понимания. Также результаты исследования могут быть использованы при изучении вопроса о рецепции философских представлений античности в последующие эпохи европейской культурной истории.

Ключевые слова: английский романтизм, Джон Китс, неоплатонизм, воображение.

Вопрос о воображении как особой творческой способности человека, его источниках, его роли в познании мира нередко вызывал интерес исследователей в области эстетики. Разные культурные эпохи предлагали разные решения этого вопроса (краткий обзор эстетических концепций воображения от античности до XVIII века можно найти, например, в работе М. Абрамса [7]).

В истории культуры Нового времени наибольшее внимание проблеме воображения уделялось в эпоху романтизма. Романтики создавали эстетические теории, призванные обосновать новые принципы искусства, и воображение в этих теориях зачастую становилось центральным понятием. Нередко понятие воображения в их теориях выходило за пределы сферы эстетического, становясь предметом размышлений на этические, религиозные и общественные темы. Наибольшим разнообразием трактовок этого понятия отличается английский ро-

мантизм, представители которого в своих теоретических сочинениях не ограничиваются эстетической стороной вопроса о воображении, рассматривая его также как условие познавательной деятельности, как часть моральной или религиозной жизни человека. Анализ этих романтических концепций воображения позволит лучше понять особенности не только эстетических, но и этических представлений этой эпохи, увидеть преемственные связи романтизма с предшествующими культурными периодами и, кроме того, рассмотреть культурно-исторические особенности понимания феномена воображения в эпоху Нового времени.

Если обратиться к истории английской литературы, то особенно заметные концепции воображения здесь были созданы У. Блейком, С. Т. Кольриджем и У. Вордсвортом. Менее известна точка зрения на эту проблему позднего романтика Джона Китса (1795–1821), чьи взгляды хотя и не были им изложены в виде развернутого теоретического учения, однако складываются в стройную концепцию, составляющие которой могут быть обнаружены в письмах поэта, а главное – в его художественных сочинениях.

Рассуждая в одном из своих писем об эстетических вопросах, Китс упоминает проблему творческого воображения и его отношений с объективным миром. Поэт пишет об этом: «То, что воображение воспринимает как Красоту, должно быть правдой... Воображение можно сравнить со сном Адама – он проснулся и обнаружил, что это правда. ...Воображение и его небесный отблеск – это то же, что и человеческая Жизнь и ее духовное повторение» [11, с. 184–185]. Благодаря воображению мы можем возвращать некогда испытанное счастье и даже делать его в своих воспоминаниях более интенсивным [11, с. 186].

Приведенные здесь мысли Китса дают основание полагать, что в мировоззрении поэта важное место занимала неоплатоническая система представлений – философское учение эпохи эллинизма, оказавшее большое влияние на дальнейшее развитие европейской философской мысли, интеллектуальную жизнь последующих эпох европейской истории. Основатель неоплатонизма, греческий философ Плотин, разработал учение о бытии, состоящем из нескольких иерархических уровней, самым высоким из которых является Единое (Благо, Бог). Единое – это первопричина и первоисток, и одновременно «охват всего существующего в одной неделимой точке» [4, с. 222]. Его нельзя постичь с помощью разума, оно выше любых форм, однако именно Единое выступает источником любых форм и идей и присутствует повсюду в виде принципа единства отдельных вещей. Все последующие уровни мироздания эманатируют из Единого: так возникает Мировой Ум, или мир эйдосов – совокупность прообразов всех вещей, затем Мировая Душа, в которой эйдосы Ума становятся одушевляющими началами и приобретают свойства логосов, то есть дискурсивного, последовательного мышления [4, с. 492]. Эти три уровня – Единое, Ум и Душа – образуют умопостигаемый (интеллигибельный) мир, ниже которого располагается следующий уровень – Космос, возникающий благодаря тому, что в материю из интеллигибельной сферы нисходят идеи (формы), которые оживляют и оформляют ее. И каждое живое существо в материальном космосе (в первую очередь, имеется в виду человек) является уменьшенной копией универсума, повторяет его устройство, интуитивно ощущая свое единство – аналогию Единого – и обладая умом и душой. Это подобие мира и человека делает все уровни универсума познаваемыми для людей, поскольку в неоплатонической системе представлений познать что-либо может только подобное ему.

Вопрос о влиянии неоплатонической философии на Китса в литературоведении, как правило, поднимается только в связи с его интересом к творчеству английского поэта-неоплатоника XVI в. Эдмунда Спенсера [8, с. 138] или к ренессансному неоплатонизму в целом [1, с. 52–53]. Чаще исследователи говорят об инстинктивном, врожденном платонизме Китса [15], но не усматривают в его платонизме последовательности именно в силу его инстинктивности и стихийности. Однако представляется, что мысли Китса о проблеме воображения, даже высказанные бессистемно, вполне доказывают, что его приверженность платонизму (и неоплатонизму) носила последовательный и сознательный характер. Рассмотрим подробнее, как Китсу удается решать вопрос о воображении, оставаясь в рамках неоплатонических представлений.

В рассуждениях Китса о работе воображения, которые содержатся в упомянутом ранее письме (Б. Бейли, 22 ноября 1817), самым бесспорным свидетельством близости поэта к неоплатонизму является утверждение того, что воображение обладает объективной природой. С неоплатонической точки зрения можно объяснить эту объективность воображения, то есть соответствие между его продуктами и реалиями физического мира, признав существование Единого – общего источника и воображения, и чувственного мира. Именно в таком

неоплатоническом или платоническом ключе исследователи творчества Китса интерпретируют его понимание проблемы воображения. Например, такой точки придерживаются Д. Перкинс [13, с. 299–300] и А. Гроб [9, с. 299].

Для самого неоплатонизма проблема воображения не имела сколько-нибудь заметного значения, как и все, связанное с субъективно-человеческим миром. Так, Плотин очень высоко ценил искусство – область, где воображение в первую очередь находит свое применение, считая бесполезным занятием воспроизведение чувственных вещей вместо стремления к познанию их идеальной сущности [4, с. 682]. Однако нельзя утверждать, что в неоплатонизме невозможно найти никакого обоснования для теории воображения. А. Ф. Лосев, сопоставляя эстетику неоплатонизма с эстетикой Нового времени и, в частности, с учением о продуктивной способности воображения И. Канта, предлагает следующую трактовку неоплатонического понятия процесса эманации, то есть истечения, излучения из Единого, приводящего к появлению всех последующих уровней мироздания: «Выйдя из своих недр и оформив себя в эстетическую идею, бытие, по Плотину, начинает и творить по этим идеям, то есть творить самого себя, но уже в виде произведения искусства. Бытие становится гением, а его продукты – воображением. Но его продукты есть ведь не что иное, как оно же само. Следовательно, само бытие переходит на ту стадию, где оно становится воображением. <...> Энергии, эманации Единого и суть *воображение*, исходящее из Единого, когда Единое – не объект воображения, а его единственный и абсолютный субъект, носитель. Единое начинает *воображать*; это значит, что оно изливается в инобытие бесконечно-мощными и вечными эманациями. <...> Таким образом, если с чем сравнивать неоплатонические эманации Единого, то не с каким-нибудь извержением вулкана или водным источником, но именно с продуктивной способностью воображения у Канта» [4, с. 748]. Иными словами, эманационный процесс из Единого можно считать объективной аналогией субъективного процесса воображения, протекающего в мире человеческого сознания [4, с. 748].

Таким образом, согласно неоплатонизму, человеческое воображение тождественно происходящим в объективном мире процессам, как в целом все содержание индивидуального сознания дублирует содержание универсума. В контексте этих представлений воображение действительно можно считать «сном Адама», который, по словам Китса, проснувшись, обнаруживает, что сон осуществился.

Воображение у Китса связано еще и с красотой: оно способно распознавать прекрасное и определять его как истину. Эта точка зрения полностью соответствует платонической и неоплатонической традиции, и Дж. Л. Джонс, один из исследователей творчества Китса, рассуждая об «Оде греческой вазе», замечает по этому поводу: «Красота, форма физической вазы, является отражением Истины, вечной и абсолютной Формы вещей; и эта Истина есть Красота, поскольку она выявляет себя во времени в объектах, которые связаны с вечными платоновскими Формами и, следовательно, считаются прекрасными» [10, с. 71]. В неоплатонизме красота впервые появляется в Мировом Уме как форма эйдосов, отделившихся от нерасчлененного Единого (которое выше всякой формы, а значит, и красоты) и приобретших собственные границы-очертания. Сферу Мирового Ума надо понимать и как сферу истины, как и всю умопостигаемую область. Красота в материальном мире – это отблеск интеллигибельного мира и соразмерное, гармоничное воплощение идеи в материи. Следовательно, способность видеть красоту как материальную, так и умопостигаемую – это способность распознавать истину, то есть смысл (идею) индивидуальных вещей и мира в целом. Таким образом, знание того, что «в прекрасном – правда, в правде – красота» [2, с. 30], направляет неоплатоника на путь последовательного постижения истины.

Но Китс не всегда видит в продуктах воображения только истину и подлинную красоту. Так, свою работу над поэмой «Эндимион» он в одном из писем характеризует как движение от воображения к правде [11, с. 218]. Точно такой же путь проделывает и главный герой этой поэмы, когда отказывается от своих фантазий:

...Рухнули воздушные палаты!
Прощайте же, пустынные пещеры,
И вы, валы, огромные сверх меры,
Морей воображаемых! [3, с. 206]

Подобное осуждение воображения и созданного им мира не согласуется с размышлениями Китса об объективной природе этой способности. Однако можно предположить, что для автора «Эндимиона» существуют разные виды воображения – истинное и ложное. По-ви-

димому, ложное воображение заводит человека в тупик, создавая разлад в познавательных способностях, о чем Китс пишет в одном из своих стихотворений:

Ужель воображенью суждено,
Стремясь из тесных рамок, очутиться
В чистилище слепом, где век томиться –
И правды не добиться? Есть изъязн
Во всяком счастье: мысль! Она в туман
Полуденное солнце облекает
И пенье соловья нам отравляет (Пер. Г. Кружкова) [2, с. 152].

Работе воображения в описанной в этих строках ситуации препятствует разлад между разумом и чувствами, который необходимо преодолеть тому, кто хочет получить истинное знание о мире. Поэт убежден, что разум и душа должны не противостоять друг другу, а взаимодействовать. Так, героиня в «Эндимионе» утверждает, что доказательством ее ума является способность любить, и, напротив, неспособность к чувствам свидетельствует об отсутствии разума:

Клянусь тебе, – я с правдой не в разладе, –
Что я умна, что нет ума в Палладе.
Любила ли она, как я, не знаю... [3, с. 102].

Можно предположить, что, согласно Китсу, подлинное знание о мире оказывается доступно человеку, если он с помощью любви сумеет соединить познавательные способности ума и души. Воображение может стать инструментом такого познания, но только при условии, что это истинное воображение, продукты которого раскрывают смысл универсума. В «Эндимионе» именно такая «умная» любовь, соединяющая разум и душу, направляет работу воображения:

Живи, любовь, наставница благая
Блужданий странных! Где бы красоте
Ни обитать – внизу, на высоте,
В воде, в горах, во тьме или при свете, –
Ты – проводница лучшая на свете! [3, с. 120–121]

В некоторых своих поэтических сочинениях и письмах английский романтик более определенно объясняет, какой смысл он вкладывает в понятия истинного и ложного воображения. Так, в одном из писем (Ч. Брону, от 23 сентября 1819 г.) Китс рассуждает об отличиях между воображаемыми и настоящими обидами: «Воображаемые обиды всегда причиняли мне бо́льшие страдания, чем настоящие... Настоящая обида никогда не окажет на меня никакого другого воздействия, кроме как заставит уйти или уклониться. Это легко объяснить. Наши воображаемые несчастья вызываются нашими страстями и питаются страстными чувствами; наши реальные беды приходят сами по себе, и им противостоят абстрактные усилия ума... Воображаемый гвоздь опускает человека до уровня страдальца на кресте, реальный поднимает его до состояния деятеля» [12, с. 181]. Здесь Китс приравнивает воображаемое к иллюзорному и подчеркивает, что иллюзии, питаемые сильными страстями, уводят человека от реальности, а вернуться к ней помогает разум. По мнению Л. Вэлдоффа, этот фрагмент свидетельствует всего лишь о желании Китса избавиться от каких-то психологических проблем и личных обид [16, с. 16–17]. Однако, учитывая интерес Китса к проблеме воображения в целом, можно предположить, что эти рассуждения – не только отражение личных переживаний поэта, но и попытка выявить истинную природу воображения, освободив его от случайных и ложных элементов. Эти мысли английского романтика вполне согласуются с неоплатонизмом, согласно которому аффекты и страсти – это самый несовершенный способ познания прекрасного, поскольку они не способны проникнуть глубже материальной оболочки мира [4, с. 631]. Именно поэтому воображение, которое инспирируется чувствами без участия ума, дает искаженные или ограниченные знания, не охватывает мир и не проникает в его сущность. Как следствие, без помощи разума человеческая душа может впасть в заблуждение и оказаться в плену ложных образов и продуктов субъективной фантазии. Опасности такого пути познания Китс описывает не только в «Эндимионе», но и в поэме «Ламия».

Настаивая на том, что подлинное воображение рождается только из соединения души и разума в единое целое, Китс приближается к пониманию воображения в духе неоплатонизма – как объективного процесса истечения смыслов и образов из Единого, чем и является процесс эманации в философии Плотина. А. Ф. Лосев характеризует неоплатоническую эма-

нацию как «чисто смысловые сущности, текущие сущности, синтез сущности и становления, когда из неподвижной сущности делается творящей и вечно играющей, но пребывая по-прежнему в сфере чисто умных потенций» [4, с. 748]. Китс не использует понятие Единого, но, пытаясь объяснить феномен воображения, приходит к такому же заключению, что и основатель неоплатонизма в своем учении об эманации, а в новоевропейской эстетике – И. Кант в учении о способности воображения эстетических идей [4, с. 746–747]: в процессе воображения субъект создает эстетически оформленный образный мир, подобно тому как Единое, излучаясь бесконечными эманациями, создает космос – «единственное, подлинное и абсолютное произведение искусства» [4, с. 748].

Отдельные высказывания Китса свидетельствуют, что для него воображение является настолько объективным и действенным принципом, что поэт говорит о нем как об источнике красоты и истины: «То, что воображение воспринимает как Красоту, должно быть правдой, существовало ли оно прежде или нет» [11, с. 184]. Разумеется, здесь не идет речь о том, что воображение способно преображать свои образы в предметы материального мира. Но оно может, обнаруживая эйдосы (идеи, внутренние формы) вещей, или их красоту (о связи красоты и сущности Китс упоминает, говоря о «возвышенной, творческой, сущностной Красоте» [11, с. 184]), раскрывать их миру. Открывая для себя и других людей смысл какой-либо части универсума, человек одновременно создает этот смысл, поэтому Китс описывает воображение как порождающий объективную реальность сон Адама. Эта идея английского поэта очень близка неоплатоническому учению о том, что познающий субъект сам конструирует свой объект познания, выводит его из самого себя. Плотин пишет об этом: «Обратившись же вовнутрь, он *обладает всем*. И отбросив назад чувственное восприятие, он... оказывается там единым. Даже если он захочет увидеть Бога существующим в качестве другого, чем он сам, [все равно] *вовне созидает* [его в качестве] *себя самого*» [4, с. 583]. Достигнув единства ума и души, человек, согласно неоплатоническому учению, становится единством, то есть подобием Единого. Такому человеку доступно познание любого уровня универсума, поскольку, как и Единое, он уже содержит в себе эйдосы всех вещей в их совокупности. Но для Китса – человека Нового времени и поэта-романтика – не менее важным по сравнению с познанием является творчество, поэтому автор «Эндимиона» на основе неоплатонизма создает собственную оригинальную концепцию воображения, в которой соединяет учение о познании Плотина с идеей эманации. Воображение здесь предстает как субъективный процесс порождения (а на самом деле – воспроизведения) творческим сознанием образов, которые существуют в вечности, но только благодаря работе этого творческого сознания становятся актуальными для человечества как истина и красота.

Существенное различие между процессами эманации у Плотина и воображения у Китса заключается в цели и направленности этих процессов. В неоплатонизме универсум возникает путем эманации из безличного Единого, и, хотя само Единое при этом не утрачивает свое единство, возникший в результате эманации мир является множеством разрозненных вещей, при этом дробление первоначального единства нарастает по мере удаления от высшего уровня бытия. У Китса же воображение, будучи субъективной аналогией объективного процесса эманации, не только обеспечивает появление множества отдельных образов, но и, требуя единства души и ума воображающего субъекта, способствует его превращению в Единое.

В контексте этой системы представлений понятным становится отношение Китса к задачам поэтического творчества. Китс называет поэта «чутким эхом мироздания» [2, с. 100] и описывает его место в универсуме следующим образом:

Где же он и с кем – поэт?
Музы, дайте мне ответ!
– Мы везде его найдем:
Он с людьми, во всем им равен;
С нищим он и с королем,
С тем, кто низок, с тем, кто славен;
Обезьяна ли, Платон –
Их обоих он приемлет;
Видит все и знает он –
И орлу, и галке внемлет;
Ночью рык зловещий льва
Или тигра вой ужасный –

Все звучит ему так ясно,
Как знакомые слова
Языка родного... (Пер. А. Жовтиса) [2, с. 198–199].

Очевидно, что описанная здесь способность поэта видеть и понимать мир в целом и во всех его частностях обусловлена наличием у него воображения, воспроизводящего вечные образы (упоминание Платона в этом контексте не выглядит случайным). Под воздействием воображения сознание поэта переживает «онтологическую самотрансформацию» [9, с. 311], то есть становится подобием всего универсума.

Интерпретация понятия воображения у Китса в духе античного неоплатонизма позволяет увидеть, каким образом поэт воспринимал творческую деятельность и гносеологический потенциал эстетического познания. Однако проблема воображения у автора «Оды Соловью» обладает и моральным аспектом, который в целом в учении Платона не акцентируется. К нравственной проблематике в ее новоевропейском понимании неоплатонизм наиболее приближается в учении о восхождении по лестнице красоты, позаимствованном у Платона, в котором душа познает прекрасное сначала на низшем уровне – в виде прекрасной физической оболочки, затем учится видеть красоту других человеческих душ, скрытую от физического зрения, но открывающуюся для интеллектуального созерцания. Подняться на этот уровень постижения прекрасного можно только с помощью любви, так как, по словам Платона, «влюбленные... и все, восхищающиеся видимой красотой, ...вместе с тем восхищаются и причиной ее – красотой сверхчувственной, идеальной» [5, с. 116]. С точки зрения неоплатонизма, любовь – это влечение души к прекрасному, но распознать прекрасное может только такая же прекрасная душа, поскольку подобное познается подобным: «Никогда душа не увидела бы прекрасного, если бы сама не стала прекрасной» [4, с. 559]. По мнению Л. Триллинга, Китс сам прошел этот путь восхождения по лестнице красоты, который стал для него одновременно и движением от стихийного платонизма к осознанному следованию этому учению: «Китс – платоник больше, чем любой другой поэт..., но его платонизм не доктринальный или систематический: благодаря естественному импульсу темперамента его разум взмошел на лестницу любви, которую Платон описывает в “Пире”, начав с любви к вещам и двигаясь к любви к идеям» [15, с. 18].

Выше уже приводилось мнение Китса о роли воображения, позволяющем увидеть подлинную красоту и полюбить ее. С этой точки зрения воображение выявляет нравственный потенциал человека, на что в XVIII веке обратил внимание английский философ-неоплатоник Шефтсбери. Так, разбирая в своем диалоге «Моралисты» вопрос о возможности полюбить незнакомого человека или целое сообщество (например, народ или даже все человечество), этот мыслитель приходит к выводу о том, что способность к такой любви является признаком развитого нравственного чувства, а необходимым ее условием выступает воображение, поскольку именно оно превращает абстрактное сообщество людей в чувственно воспринимаемый индивидуальный человеческий образ, что необходимо для возникновения любви [6, с. 116–117]. В своей интерпретации учения о лестнице красоты Шефтсбери также делает акцент на нравственном росте поднимающегося по ней человека и подчеркивает необходимость воображения для того, чтобы подняться на уровень любви ко всеобщему, будь то человечество или мироздание: «Но и наслаждения... отдельной красоты недостаточно, чтобы удовлетворить воспаряющую душу. Она стремится объединить в целое больше разных красот и, связав их вместе, создать прекрасное общество. Она созерцает общность духа, дружбу, близость, обязанности, она размышляет, какая гармония особых умов составит общую гармонию и образует содружество душ. Не довольствуясь общественным благом одного союза людей, она очерчивает для себя более благородный объект, ее чувство ширится, в своей симпатии со всем существующим она стремится к благу для всего человечества. Она с наслаждением пребывает среди этих полных смысла порядков, на которых утверждено прекрасное взаимосогласие и благообразность целого» [6, с. 97].

Китс был хорошо знаком с творчеством Шефтсбери и, в частности, с диалогом «Моралисты» [14], пантеистический дух которого мог повлиять на формирование мировосприятия поэта. Можно предположить, что мысли английского философа о воображении как способе представить, понять и полюбить то, что невозможно увидеть физическим зрением, повлияли на Китса, который в своей концепции воображения описывает эту способность как дающую человеку возможность раскрыть красоту мира – его истинную сущность – и полюбить его, раскрыв таким образом красоту собственной души.

Анализ проблемы воображения у Китса показывает, насколько серьезные мировоззренческие вопросы, такие, как природа творческих способностей человека, возможность объективного знания, роль рационального и эмоционального элементов в познании, нравственное отношение к миру, связывает с ней английский романтик. Близость Китса к неоплатоническому взгляду на мир обусловила специфику его понимания сущности воображения, которое предстает в сочинениях поэта как процесс порождения образов, что можно сопоставить с объективным процессом эманации из Единого вечных эйдосов. Человек-творец выступает здесь как подобие неоплатонического Единого, соединяющего в себе Разум и Душу, и, одновременно, как посредник между чувственным и умопостигаемым мирами, «чуткое эхо мироздания», а от ошибок в постижении мира его защищает любовь – нравственная основа отношения к универсуму как к живому одушевленному единству.

Привлечение неоплатонической системы представлений для рассмотрения поэзии и теоретических воззрений Китса помогает более глубоко понять истоки его творчества, а также увидеть характер преемственности идей платонизма и неоплатонизма в английской культуре XVIII–XIX вв.

Список литературы

1. Дьяконова Н. Я. Китс и его современники. М. : Наука, 1973. 199 с.
2. Китс Д. Стихотворения и поэмы. М. : Художественная литература, 1989. 319 с.
3. Китс Д. Эндимион / Пер. с англ. Е. Д. Фельдмана. М. : Время, 2001.
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики: Поздний эллинизм. Харьков-М., 2000.
5. Плотин. Избранные трактаты / Пер. Г. В. Малеванского. Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000. 320 с.
6. Шефтсбери. Эстетические опыты / Сост., пер., ком. А. В. Михайлова. М. : Искусство, 1975. 543 с.
7. Abrams M. H. The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the critical Tradition. London-Oxford-New York: Oxford University Press, 1953. 406 p.
8. Gittings R. John Keats. London : Heinemann, 1968. XIV + 469 p.
9. Grob A. Noumenal influence: Keats as Metaphysician // Critical essays on John Keats. Boston (Mass.) : G. K. Hall, 1990. Pp. 292–317.
10. Jones J. L. Adam's dream: Mythic consciousness in Keats and Yeats. Athens : University of Georgia Press, 1975. XIV + 226 p.
11. Keats J. The letters of John Keats: 1914–1821: In 2 Vol. / Ed. by H. E. Rollins. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1958. Vol. 1. XXII + 442 p.
12. Keats J. The letters of John Keats: 1914–1821: In 2 Vol. / Ed. by H. E. Rollins. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1958. Vol. 2. XIII + 440 p.
13. Perkins D. The quest for permanence: The symbolism of Wordsworth, Shelley and Keats. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1959. 306 p.
14. Ryan R. M. Keats's «Hymn to Pan»: A Debt to Shaftesbury? // Keats-Shelley Journal. 1977. Vol. 26. Pp. 31–34.
15. Trilling L. The poet as hero: Keats in his letters // Critics on Keats: Readings in literary criticism / Ed. by J. O'Neil. London : George Allen & Unwin, 1967. Pp. 17–25.
16. Waldo L. Keats and silent work of imagination. Urbana-Chicago : University of Illinois Press, 1985. XV + 215 p.

«Adam's dream»: the concept of imagination by John Keats in the context of ancient and modern European Neoplatonism

I. B. Kazakova

Doctor of Philology, professor of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture.
Samara State Socio-Pedagogical University.

Russia, Samara. ORCID: 0000-0002-2036-8318. E-mail: kib_sam@mail.ru

Abstract. The article analyzes the aesthetic views of the romantic John Keats, formed under the influence of Platonic and Neoplatonic philosophical traditions. The relevance of the research is due to the significant role of the Romanticism era in the formation of the culture of subsequent epochs, as well as the need to understand the ways of assimilation of the intellectual heritage of antiquity by the culture of the New Time. The purpose of the article is to analyze the problem of imagination in the writings of Keats from the point of view of the philosophy of Neoplatonism. The subject of the study is the aesthetic concept of Keats, some aspects of which are presented by him both in poetic compositions and in individual letters devoted to issues of artistic creativity.

When considering the problem of imagination in neoplatonic aesthetics, the author of the article relies on the interpretation of this problem by A. F. Losev, who sees a correspondence between the New European concept of imagination as a creative and cognitive activity and the Neoplatonic idea of the process of emanation from the One eternal eidos. The analysis of Keats' works devoted to the question of the nature of creativity proves that the English poet understands the creative imagination, which generates artistic images, in the spirit of Neoplatonism – as a subjective analogy of the objectively occurring process of the exodus of eidos (ideas, forms) from the intelligible world into the sensory cosmos. In addition, imagination, according to Keats, reveals the true essence of individual things and the world as a whole, which lies in beauty, which also corresponds to Neoplatonic philosophy.

Special attention is paid to the question of the influence of the English neo-Platonic philosopher of the XVIII century Shaftesbury on Keats. This influence can be found in the actualization of the moral content of the concept of love, which in ancient Neoplatonism has primarily a cognitive meaning.

As a result of the research, the author comes to the conclusion that Keats' creativity and his aesthetic views were formed under the influence of the Neoplatonic system of ideas, and therefore the appeal to Neoplatonism in order to interpret the works of the English romantic makes it possible to understand them more deeply. The results of the study can also be used to study the question of the reception of philosophical ideas of antiquity in subsequent epochs of European cultural history.

Keywords: English Romanticism, John Keats, Neoplatonism, imagination.

References

1. D'yakonova N. Ya. *Kits i ego sovremenniki* [Keats and his contemporaries]. M. Nauka. 1973. 199 p.
2. Keats D. *Stihotvoreniya i poemy* [Poetry and poems]. M. Hudozhestvennaya literatura (Fiction). 1989. 319 p.
3. Keats D. *Endimion* [Endymion] / Translated from English by E. D. Feldman. M. Vremya (Time). 2001.
4. Losev A. F. *Istoriya antichnoj estetiki: Pozdnij ellinizm* [The history of ancient aesthetics: Late Hellenism]. Kharkiv-M. 2000.
5. Plotin. *Izbrannyye traktaty* [Selected treatises] / Translated by G. V. Malevansky. Minsk. Harvest ; Moscow. AST. 2000. 320 p.
6. Shaftesbury. *Esteticheskie opyty* [Aesthetic experiences] / Comp., translated, comments by A. V. Mihailova. M. Iskusstvo (Art). 1975. 543 p.
7. Abrams M. H. *The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the critical Tradition*. London-Oxford-New York : Oxford University Press, 1953. 406 p.
8. Gittings R. *John Keats*. London : Heinemann, 1968. XIV + 469 p.
9. Grob A. *Noumenal influence: Keats as Metaphysician* // Critical essays on John Keats. Boston (Mass.) : G. K. Hall, 1990. Pp. 292–317.
10. Jones J. L. *Adam's dream: Mythic consciousness in Keats and Yeats*. Athens : University of Georgia Press, 1975. XIV + 226 p.
11. Keats J. *The letters of John Keats: 1914–1821: In 2 Vol.* / Ed. by H. E. Rollins. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1958. Vol. 1. XXII + 442 p.
12. Keats J. *The letters of John Keats: 1914–1821: In 2 Vol.* / Ed. by H. E. Rollins. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1958. Vol. 2. XIII + 440 p.
13. Perkins D. *The quest for permanence: The symbolism of Wordsworth, Shelley and Keats*. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1959. 306 p.
14. Ryan R. M. *Keats's "Hymn to Pan": A Debt to Shaftesbury?* // Keats-Shelley Journal. 1977. Vol. 26. Pp. 31–34.
15. Trilling L. *The poet as hero: Keats in his letters* // Critics on Keats: Readings in literary criticism / Ed. by J. O'Neil. London : George Allen & Unwin, 1967. Pp. 17–25.
16. Waldoff L. *Keats and silent work of imagination*. Urbana-Chicago : University of Illinois Press, 1985. XV + 215 p.